

Чжан Шаопин. Рецепция А. П. Чехова в русской «женской прозе» конца XX — начала XXI веков / Чжан Шаопин // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 274—285. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-274-285.

Zhang Shaoping. (2017). A. P. Chekhov' Reception in Russian "Women's Prose" of the End of 20th — the Beginning of 21st Century. *Nauchnyy dialog*, 12: 274-285. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-274-285. (In Russ.).

УДК 811.161.1'367.634

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-274-285

Рецепция А. П. Чехова в русской «женской прозе» конца XX — начала XXI веков

© **Чжан Шаопин (2017)**, orcid.org/0000-0002-3523-6756, аспирант кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), angeloping@gmail.com.

Рассматривается вопрос о преемственности литературных традиций, а именно о влиянии литературного наследия А. П. Чехова на современную русскую женскую прозу. Термином *женская проза* в данной статье называется литературное и социальное явление, имеющее некоторые особенности в художественном изображении действительности. В частности, для женской прозы характерна акцентуация на духовных качествах персонажа, его внутреннем мире, чувствах и переживаниях, внутренней борьбе. Отмечается, что в неизменном обращении писательниц к произведениям А. П. Чехова автор статьи усматривает гендерные основания: современным писательницам в творчестве классика близки темы зарождения чувства на фоне житейской суеты, взаимного непонимания героев и, как следствие, их одиночества. Кроме того, именно женщины-писатели часто обращаются к произведениям с запоминающимися женскими персонажами, имеющими черты типического. Материалом для исследования послужили произведения известных современных российских писательниц: Л. Улицкой, Л. Петрушевской, Т. Толстой, В. Токаревой, Д. Рубиной. Автор делает вывод о том, что в их творчестве прослеживаются очевидные интертекстуальные связи с чеховским претекстом, показывает влияние чеховских идей на творчество представительниц российской женской прозы нынешнего времени, и в то же время отмечает, что писательницы своеобразно трактуют вечные темы любви и одиночества.

Ключевые слова: женская проза; А. П. Чехов; Л. Улицкая; Л. Петрушевская; Т. Толстая; интертекстуальность; современная литература; постмодернизм.

1. Вводные замечания

Поиск традиций и преемников чеховского стиля является сегодня актуальным для многих чеховедов. В современной литературе, испытавшей на рубеже XX—XXI веков сильное влияние постмодернизма, характерно довольно частое цитирование произведений этого классика. Чеховские герои, сюжеты, фразы и образы получили благодаря интертекстуальным заимствованиям свою «вторую жизнь» в современной художественной литературе. Внимание исследователей привлекает тот немалый интерес, который проявляют российские писательницы, представители так называемой «женской прозы», к творчеству А. П. Чехова.

2. Тематика «женской прозы» в конце XX — начале XXI веков

«Женская проза» как литературное явление в конце XX — начале XXI века на волне перестройки и общей демократизации российского общества претерпевала значительные изменения. Как отмечают исследователи И. Л. Савкина [Савкина], Н. В. Воробьева [Воробьева, 2006] и др., представители «женской прозы» на рубеже веков ставили перед собой задачи ввести в русскую литературу «обновленный» образ русской женщины, отличный от идеалов как русской классики, так и соцреализма; представить более широкий взгляд на женскую психологию; сделать открытыми для обсуждения запрещенные ранее темы, например, абортов, рождения ребенка и др.

Одной из характерных черт, присущих произведениям этого направления, является пристальное внимание к духовным характеристикам героев, их внутреннему миру, чувствам и переживаниям, внутренней борьбе между положительными и отрицательными качествами личности. Один из самых ярких представителей указанного направления Виктория Токарева определила общей настрой произведений «женской прозы» как «тоску по идеалу» [Токарева, 2015]. Это подтверждают и исследования Г. Г. Писаревской, которая, анализируя произведения Л. Петрушевской и Т. Толстой, выявила общие мотивы в женской прозе конца XX столетия: одиночество, разлад мечты и действительности, бегство от действительности, поиск ложных идеалов [Писаревская, 1992]. По мнению исследователя, герои женских произведений живут в придуманном, иллюзорном мире и не могут вырваться из предначертанной судьбой замкнутого круга. Такой тип персонажа даже принято называть «женским» в противовес «мужскому», который всё время находится во взаимодействии с окружающим миром людей, занимается преобразованием мира, то есть отличается от женщин-героинь активной действующей позицией. Наглядным свидетельством различий в «мужской» и «женской»

позициях являются действия героев в произведениях «Дама с собачкой» А. П. Чехова и «Антон, надень ботинки!» В. Токаревой. У Чехова в рассказе фигурируют два персонажа, Гуров и Анна, но основным действующим лицом в рассказе всё же является Гуров. Так, именно он инициировал общение с Анной Сергеевной: *Соблазнительная мысль о скорой, мимолетной связи, о романе с неизвестною женщиной, которой не знаешь по имени и фамилии, вдруг овладела им* [Чехов, 1985, с. 322], и он же после их расставания приехал к Анне Сергеевне в С.: *В декабре на праздниках он собрался в дорогу и сказал жене, что уезжает в Петербург хлопотать за одного молодого человека, — и уехал в С. Зачем? Он и сам не знал хорошо. Ему хотелось повидаться с Анной Сергеевной и поговорить, устроить свидание, если можно* [Там же, с. 330]. Мысли, внутренние переживания и действия Гурова показаны автором в их развитии на всем протяжении произведения, в то время как о чувствах Анны Сергеевны мы можем лишь судить по внешним признакам ее поведения: вот она испугалась при встрече в театре, вот она заплакала, вот она пытается высказаться, как ей нехорошо на душе после аморального поступка. Напротив, в женской прозе в центре повествования обычно находятся переживания героини. Так, в рассказе В. Токаревой «Антон, надень ботинки!» повествование ведется преимущественно через мысли, раздумья, чувства главной героини Елене Новожиловой: *Лена задыхалась от некоторых его идей; Она не слушала его слова. Только интонации; Лена тогда не обратила внимания на сказанное. А сейчас подумала: а вдруг это правда? Все связано в одно: любовь, смерть... Так же, как день и ночь объединены в одни сутки* [Токарева, 2015]. Характер и мысли второго персонажа, мужчины, показаны в той мере, которая помогает создать у читателей представление о его личности. Тот же прием — представлять историю глазами героини — можно увидеть в других произведениях В. Токаревой: «Зигзаг», «Перелом», «Ничего особенного», «Одна из многих», «Пять фигур на построме» и др.

3. Чеховские рецепции и общая идейная направленность

Судя по частоте и характеру обращений к чеховскому творчеству, можно сделать вывод, что представительницам женской прозы очень импонируют чеховские произведения с запоминающимися женскими персонажами — судьба трех молодых женщин в «Трех сестрах», история одной несчастной, но сильной и искренней любви Анны Сергеевны и Гурова в «Даме с собачкой», трагически сложившаяся судьба трех женщин «Вишневого сада» — Ани, Вари и их матери Раневской. Именно эти произведения стали своеобразными «хитами» по числу интертекстуальных связей

с современной женской прозой, хотя есть интерес и к другим произведениям — например, Татьяна Толстая в своем рассказе «Петерс», развила идею о проблеме «футлярности», взглянув на нее с женской стороны — как неправильное воспитание ребенка в детстве может привести формированию к ущербной личности в будущем [Петерс].

Интересно, что, пытаясь изложить свою версию и видение чеховских сюжетов, современные женщины-прозаики напрямую признают и объясняют своё особое отношение к классику: «Мой писатель — Чехов. В своих “Мужиках” и “В овраге” — гений. “В овраге” Липа несет умершего ребенка и натывается на обоз, который стоит в ночи, и она разговаривает с этим стариком, который в обозе. Не плачет, не жалуется... Но более драматической, душераздирающей сцены я никогда не читала. От Антона Палыча я получаю глубочайшее наслаждение, желание жить и творить. Он — мой допинг. Я помню “Скрипку Ротшильда”, мне этот рассказ прочитала мама. Так после я не могла встать со стула. Почувствовала, как внутри меня мир поворачивается» [Виктория Токарева ...]. Т. Н. Толстая, анализируя свое отношение к писателям-классикам, говорит в интервью: «Чехова обожаю, буду про него писать, потому что я стала читать и вдруг кое-что заметила, что раньше не замечала, и прям вся затрепетала» [Нехоженный Чехов ...]. Влияние Чехова, по их собственному признанию, на внутренний мир писательниц обуславливает их обращение в своих произведениях к его творчеству.

Неслучайно авторы используют чеховские художественные приемы и принципы при создании своих произведений: *авторскую позицию* — отсутствие прямых оценок своих героев и изображаемой ситуации; *тематику* — в качестве объектов изображения часто берутся обычные люди, показанные в их повседневной жизни, на фоне заурядных событий и действий; *жанр* — интерес к малым художественным формам. Несмотря на близость к постмодернизму (Т. Толстую исследователи причисляют и к реалистам, и к постмодернистам¹, Л. Петрушевскую — к реалистам, постреалистам и постмодернистам) и использование его приемов, авторам в большей степени присущ реализм в изображении действительности, а на глубинном уровне — понимание смысла общечеловеческих ценностей, свободы и человеческого достоинства, общего мироощущения, что сближает их творческий мир с чеховским.

Вопросы духовного развития личности в циклах рассказов Петрушевской, Толстой, рассказах Улицкой ограничены самими условиями существования героев их произведений, бытовыми неурядицами и житейскими

1 Н. Л. Лейдерман в своих работах называет Т. Толстую писателем-постмодернистом, Г. Л. Нефагина придерживается мнения, что Толстая — в большей степени реалист.

проблемами, выбраться из которых не дает ограниченность восприятия мира персонажами, их безынициативность, пессимизм и привычка плыть по течению жизни. Те же пороки показывал и Чехов, но вместе с тем он верил и в благополучный исход событий, допускал возможность самосовершенствования личности, ее способности вырваться из замкнутого круга. В письме к И. Орлову Чехов пишет: «Я верую в отдельных людей. Я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало... отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна» [Чехов, 1974, с. 101]. Литературные герои, образы которых создаются на примерах личностей, о которых писал Чехов, на страницах его рассказов часто порывают со своей прежней жизнью и меняют ее в лучшую сторону. Это происходит в рассказах «Невеста», «Учитель словесности» и ряде других. Для современных писательниц, в силу влияния эпохи, последствий социально-экономических преобразований российского общества или особенностей постмодернистского восприятия, свойствен бóльший пессимизм в описании персонажей, жизнь которых представляет собой бесконечную гонку на выживание, на которую обречены герои, без возможности что-то изменить в своей судьбе. «Девушки в голубом» Л. Петрушевской, как и герои «Русского варенья» Л. Улицкой, живут в ужасающих бытовых условиях, и любые их попытки улучшить ситуацию заканчиваются ничем. Петерс, проживший немало лет, так и не смог переменить ситуацию в лучшую сторону, так и не нашел ответ на мучивший его почти с детства вопрос. В романах и рассказах Улицкой, Петрушевской и Толстой герои с тоской мечтают об иной жизни: об устроенности быта, отремонтированном доме, минимальном бытовом достатке, об искренних и теплых отношениях в семье, о любви и дружбе. Однако их мечтам не суждено осуществиться, из-за чего рефлексия попеременно с топтанием на месте создают унылое впечатление, порождая мысль об ограниченных человеческих возможностях и бессмысленности существования.

В какой-то степени такое идейное звучание можно считать продолжением чеховских «Дяди Вани» и «Трех сестер», только в современной «женской прозе» оно выглядит более мрачным и безысходным. Одна из «Трех девушек в голубом» Л. Петрушевской [Три девушки...], Ирина, терпит неудачи по всем фронтам — в романтических отношениях, в отношениях с близкими (из ее нелегких отношений с матерью становится понятно, что они обе, по сути, чужие друг другу люди, которым нет дела до интересов друг друга), окружающими (постоянные ссоры с соседками, ненависть и осуждение за спиной), в карьере и семейной жизни (осталась одна с ре-

бенком). Ее соседки, остальные две девушки, живут не лучше — задавленные тяжелым бытом, с неудавшейся семейной жизнью и отсутствием каких-либо профессиональных достижений, они вынуждены проживать в разваливающемся доме, не имея иной альтернативы для жилья, — и поэтому начинают вражду друг с другом, не из-за плохого характера, а из-за скудности жизненных ресурсов, которые хочется улучшить каждой из них. И если глаза чеховских героинь еще горели надеждой «В Москву, в Москву», то живущие в Москве девушки Петрушевской свои мечты растеряли еще в далекой юности и живут, «потому что живется», без особых перспектив и надежды на душевное просветление.

4. Интертекстуальный диалог на тему одиночества

Еще одна тема, которую современные женщины-прозаики уловили в творчестве Чехова и развили в своих произведениях, — тема одиночества, взаимного непонимания, когда у каждого героя своя правда и когда никто не хочет принять возможность существования правды другого, что ведет к разобщенности даже среди самых близких людей, вплоть до полного отчуждения от окружающего мира. У Людмилы Улицкой в «Русском варенье» [Улицкая, 2012] это показано с юмором: каждый персонаж действует сам по себе, руководствуясь собственными сиюминутными целями, что делает невозможным слаженные совместные действия, при этом сам автор говорит: «... мне захотелось поговорить с Чеховым. “Русское варенье” сварено из двух чеховских сюжетов. Было жутко смешно писать эту пьесу. Поэтому я, наверное, так люблю ее...» [цит. по: Буровцева, 2010, с. 142]. В то же время у Петерса Т. Толстой социально-эмоциональная глухота отравляет герою всю жизнь, заставляя страдать от своей неполноценности [Петерс]. У Л. Петрушевской такая «футлярность» приводит к тому, что в конце жизни героиня ее рассказа «Дама с собаками» вынуждена доживать последние дни в эмоциональной изоляции от общества, ведя неприкаянную и бессмысленную жизнь, конец которой страшен — мучительная смерть, после которой не то что ни один человек, даже «ни одна собака ее не пожалела» [Дама с собаками]. Это глубинная связь мироощущения героев произведений современных авторов с мировосприятием чеховских персонажей, которая незримо, концептуально присутствует в творчестве женщин-прозаиков, являясь основной доминантой их творчества.

В самом деле, современные писательницы обнаруживают хорошее знание чеховского мира. Л. Улицкая приводит в «Русском варенье» ряд деталей автобиографии А. П. Чехова, например, ситуацию с мышью, которая когда-то, в детстве Антона Павловича, упала в бочку с маслом в лавке его

отца, см. об этом: [Труайя, 2015, с. 12]. Есть и другие отсылки к Чехову: например, позаимствовано обращение *дуся моя!* (так Чехов обращался к своей жене, Ольге Леонардовне — в пьесе Улицкой Ростислав называет так свою жену), у Чехова была позаимствована идея усадьбы, образ трех сестер, намек на дом с мезонином. В начале и в конце пьесы мелькает портрет самого Чехова, в кульминации пьесы Ростислав, разрушивший семейное гнездо, восклицает: «Здесь будет Диснейленд! Поняли? И вы увидите небо в алмазах!», а вместо забытого Фирса семейство Лепехиных забывает на дереве кошку. Юмористическая составляющая пьесы, отсылающая читателя к тексту «Вишневого сада» через сохранение оригинальных фраз чеховских персонажей и множества обращений к чеховскому претексту, создают атмосферу постмодернистской игры в классику, с сохранением чеховского замысла — показать разрушение старого мира, родового гнезда из-за безделья и апатии его владельцев.

5. Polemika с классиком на тему любви

Тема трогательной любви в рассказе «Дама с собачкой», рассказ о рождении этого чувства на фоне житейской суеты, неоконченность сюжета сложного романа героев нашли отклик в произведениях современных писательниц. Каждая из представительниц женской прозы — Улицкая, Толстая, Токарева, Рубина, Петрушевская — дала собственный ответ на вопросы «может ли такое случиться?» и «что их ждет дальше?». Казалось бы, писательское перо в руках женщины должно даровать влюбленным волшебный шанс, но нет, на страницах их произведений разворачиваются трагедии сильнее чеховских. В «Даме с собаками» Петрушевской повествование строится по принципу зеркальной симметрии по отношению к чеховскому оригиналу: все, что «чисто» у Чехова, у Петрушевской уже «грязно», «оборванно» и «старо». Если у Чехова «любовь кончится еще не скоро», то у Петрушевской все уже умерло и «кончился их безобразный роман». Влюбленная парочка на курорте в рассказе «С горы» тоже вынуждена расстаться: *их ждут еще впереди долгие моменты тоски, письма до востребования и переговорные пункты с оплаченными минутами; и будут плакать и что-то кричать ровно десять минут, сколько он заказал и оплатил*, — как тогда, летом, когда было оплачено ровно двадцать четыре дня [С горы]. Как у Чехова (после поездки в Ореанду Гуров не изменился и продолжал вести прежний образ жизни, даже забыл о прошедшем романе), так и у Петрушевской герой не видит возможности перемен из-за пережитого на курорте эмоционального подъема, для автора очевидно, что житейские трудности возьмут вверх над прекрасным чувством, у таких от-

ношений нет будущего, безымянные персонажи — «обманутые» судьбой, «соблазненные и покинутые», обреченные «кричать и плакать», потому что больше ничего для них не остается. И даже на скорбь у них есть всего 10 минут оплаченного телефонного времени.

Людмила Улицкая в рассказе «Большая дама с маленькой собачкой» [Улицкая] продолжает интертекстуальную игру с чеховским претекстом: как и у Петрушевской, ее рассказ наводнен противопоставлениями в стиле: «маленький» — «большой», «белый» — «черный», напоминая чеховский рассказ «Толстый и тонкий». Ведя полемический диалог с классиком, создавая явный антипод чеховской героини, которая по внешним признакам и манере поведения вряд ли уже может называться «дамой», Улицкая опосредованно размышляет и об изменении женского типажа за прошедшие сто лет со времени публикации чеховского оригинала. Подчеркнутое внимание к деталям претекста напоминает игру «найди отличия». О самой любви в рассказе напрямую не говорится, но опосредованно можно судить, какие отношения с возлюбленными будут выстраивать Веточка и Татьяна Сергеевна, «преемницы» чеховской дамы с собачкой.

В рассказе В. Токаревой «Антон, надень ботинки!» намек на чеховскую героиню более очевиден — по-женски мягкая, чувствительная Лена Новожилова не в силах противостоять завязывающемуся роману, по началу которого уже видно, что ничего хорошего героини он не принесет. Болезненные переживания после разрыва, а также уколы совести, связанные с воспоминаниями о покойном муже, склонность к рефлексии приближают ее к портрету чеховской героини, несмотря на то, что она значительно старше Анны Сергеевны, живет в иное время и взгляды общества с тех пор на отношения между мужчиной и женщиной существенно изменились.

Окончательный вывод Токаревой в рассказе звучит как полемика с Чеховым, имя которого вынесено в название произведения, и призыв *одень ботинки* становится фразой, дословно понимаемой как «хватит дурить, веди себя разумно» [Токарева, 2015]. Разумность поведения спасает Елену от отчаяния — критичный взгляд на объект своего обожания лишает ее последних иллюзий и позволяет спокойно, без сожалений закрыть эту страницу своей жизни. Условно можно адресовать эту фразу и Чехову — «Антон, хватит мечтать, ну разве такое возможно?» Такие истории любви обычно плохо заканчиваются — звучит общий женский вердикт. И, наверное, потому все рассказы современных писательниц звучат в минорном ключе.

Рассуждения по поводу жестокости и боли в близких отношениях у Т. Толстой в рассказе-эссе «Любовь и море» звучат как приговор [Любовь

и море]. Как бы ни было чудесно душевное пробуждение героя, конечным итогом будет трагедия. Трагедией заканчиваются и высокие отношения в рассказе Дины Рубиной «Область слепящего света»: если чеховский финал еще оставляет надежду, возможность поиска выхода (“Как? Как?”), то у Рубиной он решен по-хирургически жестко: большое, страстное чувство не способно существовать в будничной жизни, обыденности, оно возможно только наверху, в области слепящего света высших слоев атмосферы [Рубина]. Надежда есть у других героев: у девушки накануне сложной операции в рассказе «Когда же пойдет снег?», у театрала Пети с Верхней Масловки — у людей сильных, не растерявших доброту и порядочность, честность и веру в лучшее [Там же].

6. Заключение

В произведениях представительниц современной «женской прозы»: Л. Петрушевской, Т. Толстой, Л. Улицкой, Д. Рубиной, В. Токаревой — отмечается неоднократное обращение к творчеству А. П. Чехова. Анализ чеховских рецензий в их произведениях позволяет заметить особый интерес современных писательниц к чеховским произведениям с запоминающимися женскими персонажами («Три сестры», «Дама с собачкой», «Вишневый сад»). Реалистичный стиль изображения действительности в современной женской прозе, а также созвучное с чеховским мироощущением понимание смысла общечеловеческих ценностей, свободы и человеческого достоинства обнаруживают глубинное сходство женщин-прозаиков с русским классиком. Вступая в интертекстуальный диалог с Чеховым, современные писательницы по-новому раскрывают темы любви, социальной разобщенности и одиночества.

Источники и принятые сокращения

1. *Виктория Токарева* о Бунине, Чехове, Лимонове ... и о себе. Отрывки из интервью [Электронный ресурс] / В. Токарева. — Режим доступа : <http://www.liveinternet.ru/users/4676123/post221960970>.
2. *Дама с собаками* — *Петрушевская Л.* Дама с собаками [Электронный ресурс] / Л. Петрушевская. — Режим доступа : http://velib.com/read_book/petrushevskaja_ljudmila_stefanovna/rasskazy_3/dama_s_sobakami/.
3. *Любовь и море* — *Толстая Т.* Любовь и море [Электронный ресурс] / Т. Толстая. — Режим доступа : https://www.e-reading.club/chapter.php/1013406/4/Tolstaya_-_Izyum.html.
4. *Нехоженый Чехов.* Интервью с Татьяной Толстой [Электронный ресурс] / Т. Толстая. — Режим доступа : <http://polit.ru/article/2013/11/16/tolstaya2/>.
5. *Петерс* — *Толстая Т.* Петерс [Электронный ресурс] / Т. Толстая. — Режим доступа : <http://book-online.com.ua/read.php?book=5695&page=184>.

6. *Рубина Д.* Несколько неторопливых слов любви. Три новеллы [Электронный ресурс] / Д. Рубина. — Режим доступа: <http://www.dinarubina.com/texts/love.html>
7. С горы — *Петрушевская Л.* С горы [Электронный ресурс] / Л. Петрушевская. — Режим доступа: http://belousenko.com/books/petrushevskaya/petrushevskaya_teatr.htm.
8. *Токарева В.* Антон, надень ботинки! Сборник рассказов / В. Токарева. — Москва : Азбука-Аттикус, 2015. — 287 с.
9. Три девушки — *Петрушевская Л.* Три девушки в голубом [Электронный ресурс] / Л. Петрушевская. — Режим доступа : <http://lib-drama.narod.ru/petrushevskaya/girls.html>
10. *Улицкая Л.* Большая дама с маленькой собачкой [Электронный ресурс] / Л. Улицкая. — Режим доступа : <http://readli.net/chitat-online/?b=866037&pg=1>.
11. *Улицкая Л.* Русское варенье : пьесы / Л. Улицкая. — Москва : Астрель, 2012. — 317 с.
12. Чехов, 1974 — *Чехов А. П.* Письмо И. Орлову / А. П. Чехов // Собрание сочинений в 30 томах. — Москва : Правда, 1974. — Т. 8. — С. 99—101.
13. Чехов, 1985 — *Чехов А. П.* Дама с собачкой / А. П. Чехов // Собрание сочинений в 12 томах. — Москва : Правда, 1985. — Т. 9. — С. 320—336.

Литература

1. *Буровцева Н. Ю.* «Русское варенье» по рецепту доктора Чехова (диалог с классиком в пьесе Л. Улицкой) / Н. Ю. Буровцева // Ярославский педагогический вестник. — 2010. — № 1-2. — С. 142—147.
2. *Воробьева Н. В.* Женская проза 1980—2000-х годов : динамика, проблематика, поэтика : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. В. Воробьева. — Пермь, 2006. — 257 с.
3. *Писаревская Г. Г.* Проза 80—90-х годов : Л. Петрушевская и Т. Толстая : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Г. Г. Писаревская. — Москва, 1992. — 218 с.
4. *Савкина И. Л.* Говори, Мария! (Заметки о современной женской прозе) [Электронный ресурс] / И. Л. Савкина. — Режим доступа : <http://www.a-z.ru/women/texts/savkina1r.htm>.
5. *Труайя А.* Антон Чехов / А. Труайя ; пер. с фр. Н. Васильковой. — Санкт-Петербург : Амфора, 2015. — 543 с.

A. P. Chekhov' Reception in Russian “Women’s Prose” of the End of 20th — the Beginning of 21st Century

© **Zhang Shaoping (2017)**, orcid.org/0000-0002-3523-6756, PhD student, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), angeloping@gmail.com.

The problem of literary traditions continuity, namely the influence of the literary heritage of A. P. Chekhov on contemporary Russian women's prose is examined. The *women's prose* in this article is considered as a literary and social phenomenon, which has some peculiarities in the artistic depiction of reality. In particular, women's prose is characterized by accentuation on spiritual qualities of character, his / her inner world, feelings, inner struggle. It is noted that in the constant treatment of women writers to A. P. Chekhov's works the author of the article sees gender base: contemporary writers are close to the topic of the origin of the feelings against the background of everyday hustle and bustle in his works, misunderstanding of the characters and, as a consequence, their loneliness. In addition, women writers often turn to books with memorable female characters, having typical features. Material for the study were the works by the famous contemporary Russian women writers: L. Ulitskaya, L. Petrushevskaya, T. Tolstaya, V. Tokareva, D. Rubina. The author concludes that the obvious intertextual links with the Chekhov's pretext can be traced in their works, shows the influence of Chekhov's ideas on the works of representatives of Russian women's prose of the present time, and at the same time notes that women writers originally interpret the eternal themes of love and loneliness.

Key words: women's prose; A. P. Chekhov, L. Ulitskaya; L. Petrushevskaya; T. Tolstaya; intertextuality; modern literature; postmodernism.

Material resources

Chekhov, 1974 — Chekhov, A. P. 1974. Pismo I. Orlovu. In: *Sobraniye sochineniy v 30 tomakh*, 8. Moskva: Izd-vo «Pravda». 99—101. (In Russ.).

Chekhov, 1985 — Chekhov, A. P. 1985. Dama s sobachkoy. In: *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh*, 9. Moskva: Izd-vo «Pravda». 320—336. (In Russ.).

Dama s sobakami — Petrushevskaya, L. *Dama s sobakami*. Available at: http://velib.com/read_book/petrushevskaja_ljudmila_stefanovna_rasskazy_3/dama_s_sobakami/. (In Russ.).

Lyubov' i more — Tolstaya, T. *Lyubov' i more*. Available at: https://www.e-reading.club/chapter.php/10134064/Tolstaya_-_lzyum.html. (In Russ.).

Nekhozhennyi Chekhov. Intervyu s Tatyanoi Tolstoy. Available at: <http://polit.ru/article/2013/11/16/tolstaya2/>. (In Russ.).

Peters — Tolstaya, T. *Peters*. Available at: <http://book-online.com.ua/read.php?book=5695&page=184>. (In Russ.).

Rubina, D. *Neskolko netoroplivykh slov lyubvi. Tri novelly*. Available at: <http://www.dinarubina.com/texts/love.html>. (In Russ.).

Tokareva, V. 2015. *Anton, naden' botinki!* Sbornik rasskazov. Moskva: Azbuka-Attikus. (In Russ.).

Tri devushki — Petrushevskaya, L. *Tri devushki v golubom*. Available at: <http://lib-drama.narod.ru/petrushevskaya/girls.html>. (In Russ.).

S gory — Petrushevskaya, L. *S gory*. Available at: http://belousenko.com/books/petrushevskaya/petrushevskaya_teatr.htm. (In Russ.).

Ulitskaya, L. *Bolshaya dama s malenкой sobachkoy*. Available at: <http://readli.net/chitac-online/?b=866037&pg=1>. (In Russ.).

Ulitskaya, L. 2012. *Russkoye varenye*: pyesy. Moskva: Astrel'. (In Russ.).

Viktoriya Tokareva o Bunine, Chekhove, Limonove ... i o sebe. *Otryvki iz intervyyu*. Available at: <http://www.liveinternet.ru/users/4676123/post221960970>. (In Russ.).

References

Burovtseva, N. Yu. 2010. «Russkoye varenye» po retseptu doktora Chekhova (dialog s klassikom v pyese L. Ulitskoy). In: *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 1—2. 142—147. (In Russ.).

Pisarevskaya, G. G. 1992. *Proza 80—90-kh godov: L. Petrushevskaya i T. Tolstaya*: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. Moskva. (In Russ.).

Savkina, I. L. Govori, Mariya! (*Zametki o sovremennoy zhenskoy proze*). Available at: <http://www.a-z.ru/women/texts/savkina1r.htm>(In Russ.).

Truayya, A. 2015. *Anton Chekhov*. Sankt-Peterburg: Amfora. (In Russ.).

Vorobyeva, N. V. 2006. *Zhenskaya proza 1980—2000-kh godov: dinamika, problematika, poetika*: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.01.01. Perm'. (In Russ.).